

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРОВ ПО ВЕРСИИ *THE NEW YORK TIMES*

ВОЛЧЬЕ СЕРДЦЕ

Л Е Г Е Н Д Ы В Л И З З А Р Д

РИЧАРД А. КНААК

Легенды Blizzard

Ричард Кнаак

World of Warcraft. Волчье сердце

«Издательство АСТ»

2011

УДК 821.111(73)-312.9

ББК 84 (7Coe)-44

Кнаак Р. А.

World of Warcraft. Волчье сердце / Р. А. Кнаак — «Издательство АСТ», 2011 — (Легенды Blizzard)

ISBN 978-5-17-118217-5

Последовавшие за Катаклизмом конфликты охватили Азерот до последнего уголка. Намереваясь под шумок прибрать к рукам новые источники ресурсов, необходимые, чтобы прокормить разрастающуюся машину войны, Орда идет походом на Ясеновый лес. Здесь ее новый вождь, Гаррош Адский Крик, намерен применить новый, небывало жестокий тактический ход, который позволит покорить эти земли, сокрушит в прах защищающих их ночных эльфов, и подорвет власть Альянса от края до края World of Warcraft. Не зная о назревающей в Ясеновом лесу катастрофе, легендарные предводители ночных эльфов – верховная жрица Тиранда Шелест Ветра и верховный друид Малфурион Ярость Бури – собирают невдалеке от Дарнаса совет представителей союзных государств. Созванным предстоит проголосовать за или против принятия в Альянс гордых гилнеасских воргенов. Однако король Штормграда Вариан Ринн до глубины души возмущен Гилнеасом и правящим там Генном Седогривом. Отказ Вариана простить Генна за то, что тот годы назад отгородил свое королевство от прочего мира, не только ставит под угрозу голосование, но и грозит расколом Альянса...

УДК 821.111(73)-312.9

ББК 84 (7Coe)-44

ISBN 978-5-17-118217-5

© Кнаак Р. А., 2011
© Издательство АСТ, 2011

Содержание

Пролог	7
1	10
2	18
3	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Ричард А. Кнаак

World of Warcraft. Волчье сердце

Искателям приключений со всего света...

Пролог Нордскол

Две вереницы зеленокожих воинов что было сил тянули толстые канаты, втаскивая на широкий трап, спущенный с последнего из кораблей, исполинскую клетку на колесах. Несмотря на вечную нордсколскую зиму, силачи-орки обливались потом. При каждом новом рывке их лица с мощными, тяжелыми нижними челюстями страшно искажались от натуги.

Вдоль трапа стояли караульные – в одной руке факел, другая держит наготове оружие, суровые карие глаза устремлены не на работников, но, скорее, на громадную клетку под чехлом. Кубическое сооружение, обтянутое множеством сшитых вместе козлиных шкур, возвышалось над ними, точно башня. В чехле не было ни прорехи, ни щелки, и общий вид со стороны даже не намекал, что за груз там, внутри.

Однако догадаться было нетрудно – уже по одному тому обстоятельству, что груз поднимали на борт сами орки. Как ни пустынен местный порт, а рабочий скот – к примеру, могучие рогатые ящероподобные кодо, вполне способные заменить собой выбивавшихся из сил орков – здесь имелся. Имелись даже три мамонта, обыкновенно использовавшихся для перевозки нескольких ездоков разом. И все же животных мало того, что не приставили к делу – их вовсе отвели подальше от пристани, но даже там, вдалеке, они никак не успокаивались. Кодо тревожно раздували ноздри, мамонты размахивали хоботами, а взгляды животных были устремлены в сторону кораблей.

Ветер ужасающе взревел, резко набирая силу. Начался настоящий шторм. Погода в Нордсколе отличалась постоянством только в одном – в том, что была неизменно скверной. . . однако и ненастье ненастью рознь. Воды холодного моря взбурлили, пристань содрогнулась под буйным натиском волн, корпуса кораблей жалобно заскрипели от жестокой встряски, не пощадившей ни единого судна.

Из глубины трюмов нескольких кораблей раздался жуткий рев и гулкой грохот ударов. Матросы на палубах бросились к люкам, ведущим вниз. Закаленные ветераны, опытные мореплаватели и храбрые воины, заметно заволновались.

Последний корабль тоже подбросило волной. . . и трап накренился набок. Несколько не ожидавших этого стражников покачнулись, едва не упав, ряды рабочих смешались в кучу.

Клетка дрогнула. В последний миг оркам на покосившемся трапе удалось удержать ее от падения. Однако, едва они справились с этим, клетку встряхнуло изнутри. Над промозглой сыростью порта разнесся рев – в точности такой же, как тот, что исходил из корабельных трюмов, только гораздо громче, и тот, кто находился внутри, потянул чехол на себя.

Портовая стража бросилась к пристани. Те, кто оставался на трапе, отчаянно старались сохранить равновесие. Один, не сумев удержаться, рухнул в ледяную воду меж пристанью и бортом корабля.

Стоявший на берегу капитан флота, одноглазый ветеран-мореплаватель по имени Брилин, украшенный с ног до головы множеством затейливых татуировок (память о прежних плаваньях), подбежал к трапу и заорал:

– Держать клетку! Держать, не ронять! Оружие к бою! Где порошок? Если клетка не выдержит. . .

Клетка под смятым чехлом загремела, заходила ходуном. Неяркий свет задуваемых ветром факелов не позволял разглядеть, что происходит внутри, но душераздирающего скрежета металла Брилну было вполне довольно.

– Копейщики, вперед! Живей, требуха рыба! Заходи справа!

Двое стражей – возможно, самые несдержанные, а может, попросту самые глупые – придвинулись ближе. Что произошло дальше, оттуда, где стоял Брилин, было толком не разглядеть, но и увиденного хватило с лихвой.

Передний орк ткнул в клетку копьём. В следующий же миг обитатель клетки ухватил оружие за древко и втащил его вместе с хозяином внутрь сквозь прореху в чехле.

Видя это, второй орк инстинктивно рванулся вперед, на помощь угодившему в клетку товарищу.

Навстречу ему из прорехи метнулась могучая ручища, которая подхватила с трапа орка, не успевшего осознать грозящей ему опасности, словно тот совершенно ничего не весил. Прежде, чем товарищи успели прийти ему на выручку, исполинские пальцы стиснули тело, круша в кашу и плоть, и кости, и латы. Тех, кто оказался позади, обдало брызгами крови.

Рука, отшвырнув прочь безжизненно обмякшее тело, вновь скрылась под чехлом. Изнутри тут же раздался вопль первого воина, очевидно, ненадолго оставленного в живых.

Вооруженные длинными толстыми копьями орки поспешили к прорехе, а Брилин побежал следом. Двое из стражей нанесли удар, но капитан понимал: поздно, слишком поздно.

Нордсколский порт огласил пронзительный визг, чуть не заставивший Брилина замереть на месте. Казалось, в этих криках не просто слышится – чувствуется неопиcуемый ужас. Немногое на свете способно поколебать решимость орка или внушить ему хоть что-то, схожее со страхом, однако созданию, и без того добытому слишком уж дорогой ценой, это удалось, да еще как.

К крикам прибавился жуткий хруст. Фонтан брызг из прорехи заставил стоявших перед нею податься назад. За брызгами последовала волна нестерпимой вони.

– Копья! Копья! – снова взревел подбегающий Брилин.

Остановившись, капитан поднял взгляд. Теперь свет факела позволял разглядеть разорванный чехол и погнутые прутья. Крепко же они выкованы: даже при всей своей мощи исполинская тварь сумела лишь малость раздвинуть их. К несчастью, для первых двух стражей этой малости оказалось вполне довольно.

– Где порошок?! – рявкнул Брилин, не обращаясь ни к кому в отдельности.

Тут к месту схватки наконец-то подбежал еще один орк с джутовым мешочком величиною с большой кулак. Рот и нос его были прикрыты повязкой из грубой ткани. Вторую такую же он подал Брилину, а тот при помощи приложенной к ней пары шнурков перевязал ею лицо. Маска была лишь предосторожностью: ни крупинки из джутового мешочка не достигнет Брилина рта и ноздрей, но зачем ему ненужный риск?

Как ни велик был соблазн предоставить дело подбежавшему, капитан схватил мешочек сам. Между тем, из клетки все еще слышался тошнотворный хруст.

– Прикройте меня!

Капитан встал поудобнее и внимательно пригляделся к прорехе. Меткостью своей Брилин заслуженно гордился до сих пор, хоть и потерял глаз несколько лет назад в битве с силами Альянса под началом адмирала Праудмура у берегов Калимдора.

Сделав глубокий вдох сквозь тряпичную маску, одноглазый орк швырнул мешочек в сторону прорехи.

Новый порыв ветра... На миг Брилин исполнился ужаса. Что, если мешочек вовсе угодит мимо цели? Но нет, снаряд едва зацепил край прорехи и канул внутрь, под чехол.

Мгновением позже капитан услышал мягкий, глухой стук. Зверь в клетке недоверчиво зарычал. Затем послышалось чавканье. Из дыры вырвалось облачко мелкой пыльцы, но ее было не так много, чтоб обеспокоить орков. Вдобавок, вырвавшуюся наружу пыльцу немедля подхватил и унес ветер.

За чехлом на пол клетки с хлопанием рухнуло нечто тяжелое. Брилин знал: скорее всего, это останки стражника, однако звук внушал капитану надежду, что его план удался.

Зверь в клетке недоуменно хрюкнул. Внезапно клетку встряхнуло сильнее прежнего: изнутри в согнутые прутья с силой врезалась огромная туша. Из-за прорехи в чехле послышалось громкое, тяжелое дыхание, однако сквозь дыру пока ничего нельзя было разглядеть.

Дыхание сделалось еще тяжелее: похоже, зверь обессилел. Вскоре до орков донеслось шарканье ног, а за ним последовал жутких грохот.

Клетка дрогнула и вновь едва не соскользнула с трапа. Чтоб удержать ее, едва хватило сил почти двух дюжин орков.

Брилн и остальные замерли в напряженном ожидании, однако из клетки не слышалось ни новых шагов, ни других звуков. Наконец капитан осторожно приблизился к клетке и, собравшись с духом, ткнул покрывавший ее чехол.

В ответ – ничего. Брилн с облегчением выдохнул и повернулся к остальным.

– Грузите эту тварь на борт, прутья выпрямите, а дыру чем-нибудь прикройте! И впредь позаботьтесь всегда держать под рукой мешок той травяной смеси, что дал нам шаман, и подсыпать в корм зверюге вовремя! В море мы себе этаких штук позволить не сможем!

Остальные орки бросились выполнять приказ. Капитан окинул взглядом силуэты других кораблей. Такая же клетка стояла сейчас в трюме каждого из них. Гаррош, новый вождь Орды, приказал завершить это предприятие любой ценой. Брилна и прочих, отправившихся с ним, цена ничуть не смущала: за Гарроша, легендарного главнокомандующего армии в ущелье Песни Войны, любой готов был отдать жизнь. О поразительных подвигах Гарроша в Орде рассказывали снова и снова. Вдобавок, он был сыном покойного Грома Адского Крика и личным советником Тралла, орочьего правителя, освободившего свой народ из неволи.

Да. Неважно, сколько жизней пришлось отдать за все это и сколько еще, по всей вероятности, будет отдано, прежде чем флот достигнет места назначения – на взгляд Брилна и остальных, дело того стоило. Орда наконец-то в двух шагах от уготованного ей будущего. У нее есть жизненная сила, азарт и удаля, достойные обновленного Азерота. Те, кто так долго удерживал власть над миром, погрязли в упадке, слишком ослабли и смягчились. Теперь Орда – а особенно орки – наконец-то заявит о своих правах на плодородные, богатые земли, где сможет не просто выживать, но и процветать, чего она уже давно заслуживает.

Недавний Катаклизм (так внушал Гаррош подданным) был для Орды великим знаком, гласившим: ее час настал. Мир раскололся на части, и уцелеть – означает суметь приспособиться к его преобразившимся до неузнаваемости землям.

Матросы наконец-то втащили на борт последнюю клетку, и Брилн лично проследил за тем, как закрывали трюм. Сонного порошка, как и прочих средств, что позволят держать тварей в узде, в запасе имелось довольно, однако старый орк с нетерпением ждал конца плавания.

На палубе ему отсалютовал старший помощник.

– Все в порядке, капитан! Готовы отчалить по первому твоему слову!

– Тогда пошли, – проворчал Брилн. – Чем скорей мы доставим этот груз Гаррошу, тем скорей он из наших забот превратится в заботы Альянса...

Старший помощник согласно крякнул, отвернулся, заорал, повторяя приказ Брилна, и вскоре корабль отошел от причала.

Ветры закружили над морем в безумной пляске. Издали донеслись раскаты грома. Надвигался шторм. Да, только шторма флоту и не хватало, однако капитан ни минуты не сомневался: в сравнении с тем, что вскоре ждет врагов Орды, любой шторм – сущие пустяки. Устремив взгляд в темные, буйные воды, Брилн представлял себе, что натворит его груз, как только попадет в руки Гарроша.

На миг ему едва ли не сделалось жаль защитников Ясеневого леса – этих злосчастных ночных эльфов, однако...

Однако они – всего-навсего ночные эльфы.

1

Волк

Тиранда Шелест Ветра знала: мир больше не исправить. Великий черный дракон Смертокрыл навсегда изменил лик всего Азерота, пожалуй, еще более ужасающим образом, чем Великий Раскол, когда единственный континент в мире был зверски разорван на части. Пережив это поражающее воображение событие около десяти тысяч лет назад, верховная жрица не могла и подумать, что ей вновь предстоит пережить столь же тяжелое бедствие.

В глазах тех немногих, кто незнаком с ее расой, ночная эльфийка с полуночно-синими волосами, ниспадающими ниже плеч, выглядела бы лет разве что на двадцать – какие там десять тысяч! Однако ее мерцающие серебром глаза были исполнены мудрости, приходящей с долгим жизненным опытом. Вокруг этих прекрасных глаз виднелись несколько тонких морщинок, но то был, скорее, результат многих тревог, пережитых за последние десятилетия, чем старости.

Тиранда шла по пышным Храмовым Садам – центру Дарнаса (пусть географически они и лежали ближе к западу), состоявшему из нескольких островков различной величины, покрытых изысканнейшей растительностью. Верховную жрицу провожал луч света полной луны, словно бы одарившей Тиранду особым благоволением. Однако ни саму верховную жрицу, ни тех, кто случится рядом, это ничуть не тревожило. В конце концов, все, кому была знакома ее импозантная фигура, к подобному зрелищу давно привыкли.

Сегодня она вышла наружу в надежде, что прогулка поможет в раздумьях, поможет прийти к какому-нибудь умозаключению касательно накопившихся важных вопросов. Как верховная жрица, Тиранда обычно обращалась за наставлениями и душевным покоем к богине Элуне, иначе называемой Матерью Луной, удаляясь для тихой медитации в храм на юге. Однако даже покой постоянно озаряемого луной святилища Сестринства (некоторые называли его сердцем самой Элуну) сегодня не помогал. Оттого-то она и надеялась, что идиллическая тишь садов сделает то, что оказалось не под силу храму.

Однако, хотя сады в некоторых отношениях и воплощали собой дух Матери Луны даже лучше, чем храм, в эту ночь обрести покой не помогли и они. Тиранду снедали непреходящие тревоги: как-то пройдет грядущий совет? Время назначенной встречи стремительно приближалось, а Тиранда вместе с верховным друидом Малфурионом Яростью Бури, своим соправителем и супругом, уже сомневалась, выйдет ли из нее хоть какой-нибудь толк.

Теперь Альянсу противостояла возрожденная к жизни Орда, возглавляемая не раздираемым внутренними противоречиями Траллом (тот ради блага обеих сторон вполне мог бы поддерживать мир), но новым, куда более амбициозным вождем. Нынешний вождь ее, Гаррош, зарится на заповедные угодья Ясеневого леса, но вряд ли на сем остановится, если их защитники падут под натиском его воинства.

Малфурион, как верховный друид, был куда более озабочен судьбами диких земель Азерота, а политических амбиций не имел ни на грош, однако всеми силами помогал сохранять единство Альянса. И все же оба, и Тиранда, и Малфурион, знали: будущее Альянса не зависит, да и не может зависеть от него. Настало время того, кто сможет полностью посвятить себя этой задаче. Помимо прочих дел, во время созванного совета Тиранда с Малфурионом как раз и собирались посмотреть, не выяснится ли в ходе переговоров, кто лучше всех сможет возглавить собравшихся и повести за собой вперед, в новый мир.

Разумеется, без присутствия всех членов Альянса совет не будет значить ничего, а некоторые значительные персоны участия еще не подтвердили. Если они не придут, об истинном согласии не может быть и речи.

Во время прогулки Тиранде то и дело попадались навстречу другие жрицы, и все они приветствовали ее почтительными поклонами. Облачены они были в такие же белые с серебром одеяния без рукавов, как и у нее. Регалий верховной жрицы Тиранда почти не носила: все знали ее и без того. На приветствия она неизменно отвечала улыбкой и кивком, однако была так поглощена мрачными раздумьями, что, откровенно говоря, забывала о встречах в следующий же миг.

Мысли ее целиком занимал отвратительный образ Смертокрыла Разрушителя и всего им учиненного. От этих картин просто кругом шла голова. Стоило вообразить себе долговременные последствия его ужасающего деяния, сердце начинало часто биться в груди, разгоняя кровь в жилах.

«Совет должен, обязан завершиться успехом, – в тревоге думала Тиранда. – Это единственная возможность предотвратить гибель нашего мира. Если у нас ничего не выйдет, созывать совет снова можно даже не пытаться. К тому времени для всех нас будет слишком поздно...»

Однако ж они еще не получили вестей от трех главных членов Альянса, включая сам Штормград – а если участия в совете не примет хотя бы один Штормград, то...

Окружавший ее свет Элуну сделался ослепительным.

Храмовые Сады исчезли.

Тиранда Шелест Ветра споткнулась, но тут же оправилась, и глаза ее округлились от изумления. Теперь ее окружали совсем иные места. В мгновение ока она оказалась за много сотен миль от Дарнаса, столицы ночных эльфов – на материке, в Калимдоре.

Что еще более поразительно, вокруг бушевала война. В воздухе витала знакомая вонь всеобщей гибели, повсюду вокруг темнели холмики, и формой и величиной более всего напоминавшие изувеченные тела.

То, что еще недавно являло собой первозданную глушь (судя по нескольким стволам поваленных деревьев, прежде здесь рос лес), было разорено дотла в прежних битвах. Не без труда овладев собой, верховная жрица сразу же поняла, что и это место, и это время ей знакомы, хотя не могла бы сказать, откуда – из собственных ли воспоминаний, или благодаря Элуне.

Она оказалась в самой гуще первой решительной битвы Азерота с Плавающим Легионом – той самой, случившейся больше десяти тысяч лет тому назад, во время Войны Древних. Война эта завершилась Расколом и погружением прежней столицы ночных эльфов, Зин-Азшари, в воды Источника Вечности, когда-то питавшего силой народ Тиранды. Стремившийся истребить все живое на Азероте, Легион подошел к достижению сей чудовищной цели ужасающе близко – и, как это ни смешно и ни горько, при помощи самой королевы ночных эльфов.

Воинство демонов рвалось вперед. В авангарде шли огненные инферналы. За этими огромными созданиями следовали Стражи Скверны с гончими Скверны – высокие, закованные в латы воины с устрашающими клыкастыми тварями, а к их колоссальному множеству примыкали прочие демоны. Вопреки всему, что помнили ночные эльфы об истории тех времен, зловещая армия не встречала на своем пути никаких преград. Все, к чему бы ни прикасались демоны, взрывалось, вспыхивало тем же жутким зеленым огнем, что окружал тело каждого из чудовищ.

Тиранда огляделась в поисках обороняющихся – ее собственного народа и множества фантастических союзников, собравшихся вместе, дабы предотвратить гибель Азерота. Они должны были быть здесь, однако вокруг не оказалось никого. Разрушительной силе демонов никто не препятствовал, а значит, и эта земля, и весь мир были обречены...

Но вдруг воздух содрогнулся от громогласного воя, внушившего верховной жрице невольную, инстинктивную надежду. Казалось, этот вой ей знаком: он тронул Тиранду до глубины души.

Демоны, пусть хоть на миг, но сбавили шаг, в один голос взревели и возобновили натиск.

С противоположной стороны навстречу им протянулась огромная тень. Тиранда взглянула вдаль, на того, кто мог бы ее отбросить.

Исполинский, величественный Древний волк едва не сверкал чистой белизной. Он возвышался над всем вокруг. Огромный зверь снова взвыл, и на сей раз его вой подхватило бесчисленное множество голосов, звучащих откуда-то сзади.

– Голдринн... – пробормотала Тиранда.

С самых первых дней, едва таинственные титаны придали миру новый облик, Азерот охраняли создания, связанные с ним так, как ни одно иное существо. Конечно, драконы получили силу и власть от титанов, но и сам Азерот породил духов и полубогов, по природе бессмертных, однако способных на самопожертвование. И все-таки до Войны Древних никому из этих защитников Азерота не доводилось столкнуться с угрозой столь ужасающей, как Пылающий Легион. Драконы гибли десятками, а многие из духов и полубогов пали вот в этой последней битве.

Одним из таких и был Голдринн.

Однако разыгравшаяся перед Тирандой кровавая сцена была не совсем точна. Верховная жрица, наконец, поняла это, несмотря на естественный страх не только за судьбу мира, но и за волка, стремившегося вновь защитить Азерот. При помощи этой тревожной картины Элуна хотела ей что-то сказать, вот только что? Верховная жрица терялась в догадках. Зачем ей нужно видеть, как Голдринн снова жертвует собой?

Около десятка демонов приблизились к исполинскому волку. Тот вызывающе зарычал. Но, едва атакующие, возобновив крики, бросились на него, из пустоты за спиной Голдринна вырвалась бесчисленная стая обычных, смертных волков. Гибкие, сильные мохнатые охотники серой волной хлынули на поле боя, и каждый уже на бегу искал себе жертву. Пусть и не столь огромные, как большинство демонов, волки мчались в бой с яростью и решимостью, не знавшей себе равных.

И вот два воинства столкнулись. Помимо жутких клыков и когтей, демоны были вооружены клинками и топорами, и пользоваться всем этим умели великолепно. У волков же, на первый взгляд, кроме клыков да когтей не было ничего, однако они намного превосходили врага ловкостью и проворством. Звери так и сновали среди зловещих врагов, пускали в ход когти и клыки, едва завидев удобный случай для удара.

Голдринн держался в первых рядах. Вот исполинский волк сомкнул зубы поперек туловища Стража Скверны. Из брюха перекушенного пополам врага брызнуло ядовито-зеленое пламя, а между тем когти Голдринна уже рвали нового противника.

Рядом с ним двое волков повергли наземь вооруженного топором демона, только что разрубившего надвое их собрата, вмиг оторвали демону руки, а после один из них впился зубами в горло врага, но в следующий же миг оба храбреца пали под натиском других демонов.

Тиранда всей душой рвалась в бой, но не могла сделать ни шагу. Могла лишь беспомощно наблюдать гибель новых и новых волков, и, пусть каждый из них уносил с собой не одну вражескую жизнь, ни страха, ни сожалений верховной жрицы это не умаляло.

Между тем все больше и больше демонов сосредоточивали силы на Голдринне, очевидно, понимая, что волков возглавляет он. Демоны пытались подсесть ему лапы или свалить на землю, чтобы добраться до горла, но Голдринн расшвыривал всех, кто оказывался поблизости, да с такой силой, что отлетавшие сбивали с ног собственных же товарищей. Тем временем беспощадные челюсти огромного волка хватили одного демона за другим. Одних он, как первого, перекусывал пополам, других встряхивал так, что тела их рвались на части, не выдержав соб-

ственной тяжести. Так Голдринн шел сквозь ряды Пылающего Легиона, а стая неотступно следовала за ним.

Окровавленные волчьи тела и страшно изувеченные трупы демонов уже устлали поле битвы ковром, однако ряды противоборствующих сторон словно бы ничуть не поредели. Вот еще один волк падает, разрубленный на куски, еще больше демонов насаждают на Голдринна, и все же клыки и когти огромного волка бестрепетно разят врага за врагом, а вражеские трупы за его спиной ложатся на землю грудями – по три, а то и по четыре тела в высоту...

«Мать Луна, зачем ты показываешь мне все это?!»

Верховная жрица напрягала все силы, пытаясь броситься Голдринну на подмогу, однако по-прежнему могла лишь смотреть на битву со стороны.

«Прошу тебя, либо позволь мне вступить в бой, либо скажи, какова цель этой бесконечной резни!»

Но бой продолжался, не принося никаких откровений. Мало этого, дела Голдринна внезапно обернулись скверно: атакуемый со всех сторон, волк не мог отогнать прочь всех врагов. Демонам снова и снова удавалось до него дотянуться, и наконец растущее количество ран начало сказываться даже на великом Древнем.

Один из Стражей Скверны сумел взобраться на спину белого волка. Глаза демона предвкусно загорелись зеленым огнем, дьявольский воин поднял оружие и что есть сил ударил белого волка в самую середину хребта.

– Нет! – вскричала Тиранда, понимая, что вот-вот произойдет. Это событие она помнила прекрасно, хоть и не знала подробностей.

Голдринн испустил исполненный муки вой. Лапы его подогнулись. Демоны, видя это, навалились на него со всех сторон.

Вдруг из безумной схватки справа от Древнего вырвался одинокий темно-бурый волк. Казалось бы, высота намного превышает его возможности, однако маленький волк прыгнул и ухитрился не только вскочить на спину Голдринна, но и дотянуться до демона, нанесшего тому страшную рану.

Страж Скверны развернулся навстречу волку, взмахнул топором, чтоб разрубить нового противника надвое, но гибкий и ловкий волк, поднырнув под удар топора, бросился демону в ноги. Огромный Страж Скверны упал.

Ударившись о спину Голдринна, демон не удержал оружия и поспешил подняться, но бурый волк опередил врага.

Свирепо щелкнув клыками, волк вырвал демону глотку.

Мертвое тело Стража Скверны соскользнуло на землю. Маленький волк вскинул голову, взвыл, бросил взгляд вниз и прыгнул. Прыжок его был не бесцелен: бросившись сверху на еще одного из атаковавших Голдринна демонов, волк разорвал ему грудь.

Следом за бурым и остальные волки принялись рвать демонов, нацелившихся добить Голдринна. Вскоре Пылающий Легион вынужден был забыть об убийстве Древнего волка и, мало этого, подался назад.

Но Голдринна было уже не спасти. Напоследок Древний сумел приподняться, ухватил зубами нового демона, вгрызся в доспехи и мускулы, встряхнул головой, расшвыривая в стороны кровавые ошметки, но затем полученные раны взяли свое. Древний тяжко осел на землю, сокрушив весом тела еще пару-тройку врагов, и замер.

Так Голдринн и погиб – погиб вновь, спустя десять с лишком тысяч лет после той памятной битвы.

Однако, словно ничуть не уstraшенный этой ужасной потерей, темно-бурый волк возглавил атаку, рванувшись вперед от мертвого тела Голдринна. Следом за братом, горя желанием отомстить за своего покровителя, устремились и другие волки.

Демонические воины падали под ударами когтей и клыков темно-бурого один за другим. Над гущей врагов взвился его вой – столь же громкий, как и боевой клич самого Голдринна. Мало этого, теперь бурый волк прибавил и в росте, сделавшись вдвое крупнее остальных.

Пылающий Легион сосредоточил силы на нем, но это словно бы только придавало бурому волку храбрости. Всех нападавших он встречал грудью и оставлял за спиной вал истерзанных тел. Многие демоны значительно превосходили его ростом, и потому бурый то и дело поднимался на задние лапы, чтоб дотянуться до предплечья, а то и до склоненной головы очередного врага. Тем временем когти передних лап рассекали доспехи и плоть не хуже любого клинка.

Беспомощная Тиранда вновь ахнула. Чем дальше смотрела она на отважного волка, тем удобнее он чувствовал себя на задних лапах вместо всех четырех. Когти одной из передних сомкнулись вместе так плотно, что казались единым целым, и с каждым успешным ударом прибавляли в длине.

Все это заметно отличалось от того, что верховная жрица слышала о событиях той, изначальной битвы, и ей тут же сделалось ясно: история принимает новый, неожиданный поворот. Этот-то поворот и хотела показать ей Элуна... вот только смысл увиденного до сих пор оставался для Тиранды загадкой.

Вдруг волчьи когти превратились в настоящий большой меч, а бурый волк полностью превратился в человека – воина в латах... вот только лица его, скрытого тенью, было не разглядеть. Следуя впереди стаи, он продолжал теснить Пылающий Легион. Меч его снова и снова разил врагов.

За первой неожиданной переменой последовала и другая, но на этот раз – среди демонов. Демоны тоже сменили облик, превратившись в иных врагов, столь же узнаваемых и куда более близких – в орков.

Для участников битвы быстрое превращение прошло незамеченным. Волки продолжали рвать орков, точно те и были их врагом с самого начала.

Повергнув наземь очередного противника, воин с окутанным тенью лицом поднял меч и испустил триумфальный вопль, в котором все еще явственно слышались нотки волчьего воя. Стая снова рванулась вперед, но теперь волки тоже поднялись на задние лапы, а передние превратились в руки, сжимавшие топоры, палицы и прочее оружие. Подобно своему предводителю, все они обратились в людей, но лицо каждого укрывала еще более густая тень.

Орков охватило смятение. Ряды их дрогнули. Предводитель людей снова издал уверенный громкий крик.

С тыла, с той стороны, где – это верховная жрица помнила – должно было остаться мертвое тело Древнего волка, донесся ответный вой. Тиранда взглянула на звук... и увидела перед собой не одного – двух Голдриннов!

Первым был труп убитого зверя, вторым же – сверкающий полупрозрачный дух, вновь испутивший победный вой.

Невзирая на то, что дух волка был подобен туману, внутри него виднелось что-то еще – куда более осязаемое, и при том странно знакомое...

С немалым изумлением верховная жрица поняла, что смотрит прямо на воина с укутанным тенью лицом... хотя в эту самую минуту он должен был быть на переднем крае битвы. Удивленно моргнув, Тиранда увидела, что действительно смотрит в сторону переднего края. Фронт и тыл внезапно слились воедино. Призрачная фигура Голдринна парила прямо над его заступником, словно бы еще сильнее прибавившим в росте.

К отважному воину бросился орк, вооруженный парными топорами, но воин отразил удар первого, а после, с тою же быстротой, и второго. Меч его описал в воздухе стремительный круг, скользнул вперед меж двух топоров и глубоко вонзился в грудь орка.

Отважный воитель рванул клинок на себя, и из зияющей раны в груди орка брызнула кровь. Орк пошатнулся, разинул рот. Взгляд его остекленел. Сведенные судорогой пальцы выпустили рукояти топоров.

Орк неуклюже упал на колени. Тело его содрогнулось, кровь, хлынувшая из пасти, потекла с клыков на подбородок.

Герой с лицом в тени сделал шаг назад.

Орк рухнул вперед, упав ничком к ногам победителя. Одновременно с ним пали последние из его соратников.

Битва закончилась.

Призрачный Голдринн испустил новый вой, а затем они с воином окончательно слились в одно целое. В ту же минуту отважный воитель с укрытым тенью лицом наконец-то повернулся к Тиранде. Теперь его лицо сделалось различимым, и...

И в этот миг верховная жрица вернулась в Храмовые Сады.

Тиранда пошатнулась, но тут же обрела прежнее хладнокровие. Вокруг – возможно, случайно, а может, по воле Элуны – не оказалось ни души. Кроме этого, Тиранда всерьез подозревала, что в мире смертных не прошло даже секунды.

Зачем ее вдруг перенесло туда, в это видение? Об этом верховная жрица даже не задумывалась. Очевидно, Элуна пожелала передать ей нечто весьма и весьма срочное. Настолько, что ждать с этим было нельзя. И, понимая, что именно, Тиранда, несмотря на некоторое замешательство, прониклась к ней благодарностью.

Тут она заметила, что к ней кто-то приближается. Расправив складки серебряного одеяния, верховная жрица взглянула в глаза подошедшей – одной из вестовых Шандрисы Оперенной Луны.

Одетая в легкий доспех, защищавший тело, предплечья и ноги, слегка покрасневшая, словно от быстрого бега, Часовая преклонила перед Тирандой колени с величайшим почтением – верховная жрица была не только ее правительницей, но и приемной матерью ее генерала. В руке воительницы поблескивало излюбленное оружие ночных эльфов – трехлезвийная лунная глефа.

– Генералу известно, что ты, верховная жрица, хотела бы узнать об этом как можно скорее, – заговорила ночная эльфийка, не поднимая склоненной головы.

С этими словами Часовая протянула Тиранде небольшой свиток пергамента с личной печатью Шандрисы. Приняв его и отпустив вестовую, Тиранда переломила печать и прочла содержимое. Письмо генерала, как всегда, оказалось кратким и предельно деловым.

Получена весть, что король Штурмграда согласен прибыть на совет.

Больше в письме не оказалось ни строчки, кроме подписи Шандрисы в нижнем углу. Действительно, новость была крайне важна: если в общем собрании примет участие Штурмград, то и прочие тянувшие с ответом не замедлят прислать известие о прибытии. Верховная жрица с Малфурионом надеялись на согласие Штурмграда с самого начала, однако в последнее время начали сомневаться: уж не решил ли его правитель, что королевство верней преуспеет без соседей, попавших в беду?

И все же время получения сих новостей казалось верховной жрице еще важнее. Ведь Шандриса сама получила их лишь считанные минуты назад и, как обычно, позаботилась о том, чтобы ее любимая правительница и мать узнала о них без промедления. Несомненно, Элуна хотела, чтобы ее видение совпало с прибытием сообщения!

– Значит, Вариан едет к нам... – пробормотала Тиранда. – Теперь все становится ясным. Следовало мне догадаться раньше.

Да, теперь смысл видения был очевиден. Лицо победоносного воина ночная эльфийка углядела лишь мельком, но даже тогда нимало не сомневалась: загадочный воитель напоминает не кого иного, как Вариана Ринна, короля Штурмградского. Естественно, Мать Луна знала обо всем с самого начала, но знак своей жрице смогла подать лишь тогда, когда это знание действительно ей пригодится.

– Вариан Ринн, – повторила Тиранда.

Как много бывших бед и тревог крылось за этим именем... Ему довелось быть и рабом, и гладиатором, и человеком, не помнящим самого себя. Довелось повидать падение собственного королевства, а после отбивать его у врага, да еще у какого – у самой дочери Смертокрыла в человеческом облике!

Вот в те-то ужасные времена, когда Вариан, утративший имя, был вынужден каждый день драться не на жизнь, а на смерть ради потехи зрителей, публика и нарекла его иным именем – именем исключительной значимости.

В те времена – а многие и до сих пор – звали его Ло'Гошем.

Ло'Гош... еще одно имя призрачного волка Голдринна!

С маленькой лодки на пристань сошли два путника, укутанных в плащи. То, что они, как и большинство обитателей деревни Рут'теран, принадлежат к ночным эльфам, явствовало из сложения и длинных ушей, торчавших кверху под тканью просторных капюшонов. Лица обоих скрывала тень.

Скромная по меркам ночных эльфов, портовая деревушка оказалась невероятно свежей на вид: все здания здесь сияли новизной. На самом деле то было второе селение под названием Рут'теран: первое во время Катаклизма уничтожило море. Второй самой заметной достопримечательностью порта, кроме трех его пристаней, был питомник гиппогрифов, где скрупулезно заботились о яйцах и молодняке сих изумительных крылатых созданий, служивших ночным эльфам воздушным транспортом.

Самое же важное на островке надолго привлекло к себе взгляды путников. Сказать откровенно, они видели его еще с материка, за многие мили отсюда... как и все остальные жители этих земель.

Островок назывался Тельдрассилом, но вовсе не сам по себе. Сам по себе он был лишь продолжением истинного Тельдрассила – исполинского дерева, занимавшего большую часть суши и поднимавшегося так высоко, что вершина его терялась среди облаков. Под сенью его ветвей могло бы укрыться небольшое королевство, а то и не одно, а в густой, пышной кроне могла найти – и нашла – приют целая цивилизация.

Тельдрассил был известен всем, как второе Мировое Дерево. Первое, древний Нордрассил, еще жило, но до сих пор не могло исцелиться от урона, полученного во время Третьей Войны – еще одной войны с Пылающим Легионом – всего за несколько лет до появления Тельдрассила. И если Нордрассил даровал бессмертие, крепкое здоровье, защиту от злоупотреблений магией Источника Вечности и открывал путь в Изумрудный Сон, второе Мировое Дерево в первую очередь служило ночным эльфам новым домом. Но, несмотря на это, Тельдрассил тоже успел хлебнуть горя сполна, оскверненный злобой Владыки Кошмара при помощи верховного друида Фэндрала Оленьего Шлема, послушного ему, точно марионетка. Скверна распространилась на всю флору и фауну Тельдрассила, да настолько, что очистить от нее Дерево удалось лишь недавно.

Но, сколь бы ни вдохновляющим казалось огромное дерево всем, кто только его видел, новоприбывшие держались так, точно не замечали его вовсе. Тот, что повыше – мужчина-калдорай с длинными серебряными волосами, ниспадавшими на плечи из-под капюшона – остановился и принялся с немалым интересом рассматривать взрослых гиппогрифов. Вдруг его

спутница – более стройная, узкоплечая – неудержимо закашлялась и ухватилась за его плечо. Разом забыв о летучих созданиях, ночной эльф крепко обнял ее.

– Портал, – негромко пробормотал он. – Он совсем рядом, так будет быстрее. Ты только держись... мы почти у цели. Держись... прошу тебя!

Капюшон женщины закачался вверх-вниз.

– Я... постараюсь... муж мой...

Голос ее звучал совсем слабо. Глубоко встревоженный состоянием супруги, ночной эльф на миг оцепенел, а затем повлек ее вперед, в поисках того, чего ни он, ни она никогда не видели, но могли бы узнать с первого взгляда.

Тут странная пара попала на глаза офицеру Часовых. Окинув взглядом фигуры, укрытые под длинными плащами, Часовая сдвинула брови, приготовила глефу и заступила им путь.

– Добро пожаловать, гости, – заговорила она. – Позвольте узнать, откуда вы?

Ночной эльф поднял взгляд, ненадолго показав ей лицо.

Часовая разом осеклась. От изумления на щеках ее выступил яркий румянец.

– Ты...

Ночной эльф, ни слова не говоря, повел спутницу мимо ошеломленной Часовой и тут же увидел среди домов, за спинами прохожих, то, что искал.

– Вот и портал, – пробормотал он.

Невдалеке начиналась мощенная камнем дорожка, тянувшаяся вдоль пологого склона наверх, к Тельдрассилу. Там, у подножия дерева, возвышался портал с огромным, ярко мерцающим символом дарнаской письменности сбоку. Однако, как ни высоки были магические врата, среди исполинских корней, тянувшихся в стороны от ствола Тельдрассила, они казались маленькими, точно игрушечные.

Портал был прямым магическим путем в город высоко-высоко наверху. На первый взгляд, охраняла его только пара Часовых, но путник знал: неподалеку скрываются другие, да и в самом сооружении, и вокруг хватает защитных чар.

Ничуть не колеблясь, он повел супругу к порталу. Часовые проводили его подозрительными взглядами.

– Пропустить, не препятствуя, – раздался позади голос офицера.

Караульные подчинились приказу беспрекословно. Но путник не стал тратить времени на благодарности: для него было важно одно – поскорее доставить супругу в Дарнас... туда, где ей могут помочь.

– Смотри под ноги, – прошептал он.

Его спутница не без усилий кивнула. До портала они добрались, и это внушало надежду. «Ну, почти, почти!»

Тут эльфийку вновь скрутил приступ кашля, да такого жестокого, что муж не сумел удержать ее. Жена упала на колени, едва не уткнувшись лицом в каменные плиты. Муж поспешил поднять ее, но, помогая ей выпрямиться, услышал негромкий стук капель.

Дорожку в том месте, где супруга склонилась над ней, украсила лужица крови.

«Опять? Только не это...»

Пальцы жены с неожиданной, невероятной силой стиснули его ладонь: теперь она действительно была испугана.

– Муж мой...

Тело ее обмякло в его руках.

Часовые двинулись на помощь, но у путника не было на них времени. Чего доброго, еще предложат подождать, пока они не проверят ее состояние, а между тем в его встревоженных мыслях каждая секунда промедления означала катастрофу... утрату...

Надежда одна: поскорее добраться до верховной жрицы.

Подхватив на руки бесчувственную супругу, путник со всех ног бросился в портал.

2

Набег

Вопреки легкому ветерку, колыхавшему полог леса, длинные толстые ветви ближайших деревьев склонились вниз. Покрытые пышной листвой, они целеустремленно тянулись к бородавтому ночному эльфу, а тот, стоя в их окружении, глядел вверх и только улыбался.

Листья первых ветвей нежно коснулись его лица. Малфурион Ярость Бури хранил молчание. Других таких же, как он, не было даже среди его собратьев по призванию. На первый взгляд могло показаться, что он изукрашен символами могучих зверей, чей облик способны принимать самые искусные из друидов. Но, если приглядеться поближе, сразу же становилось ясно: некоторые из этих символов – вовсе не украшения, а часть его существа, результат тесной связи с Азеротом и многих лет, проведенных духом друида в Изумрудном Сне. В то время, как его облик в мире снов все больше и больше привыкал к этому новому царству, спящее тело, ничуть не утратившее связи с духом, начало принимать сходство с этими могучими существами. Вдоль его рук, по всей длине, отросли широкие серые крылья буревестника. О связи с ночным саблезубом, зверем особенно близким расе Малфуриона, свидетельствовали – нет, не сапоги, ноги верховного друида, превратившиеся в подобие могучих кошачьих лап. Вдобавок к этому, килт его спереди украшали кривые клыки саблезуба, а пальцы перчаток оканчивались медвежьими когтями.

Единственным украшением, никак не связанным со зверями, однако многое говорившим о самом Малфурионе, были голубые стрелы молний, пересекавшие его торс наискось, от плеча к поясу. Точно такие же молнии, только поменьше, тянулись вдоль предплечий, от локтя к запястью. «Ярость Бури» – эти слова были не только родовым именем верховного друида, но и намеком на подвластную ему невероятную силу – силу, к которой он прибегал лишь в тех случаях, когда ничто иное не помогало.

Кончики веток ерошили длинные зеленые волосы, ловко избегая касаться того, что наиболее явно отличало величавого ночного эльфа от его братьев по расе. На голове его росли роскошные, добрых двух с лишним футов в длину, олени рога – часть оленьего облика, а также особый знак тесной связи Малфуриона с Азеротом и своим шан'до – то есть, достопочтенным учителем, полубогом Кенарием.

Несколько самых прочных ветвей скользнули Малфуриону под руки и мягко, будто родитель младенца, подняли к вершинам деревьев.

Верховный друид распахнул сознание и коснулся мыслью сердца Тельдрассила. Оценив здоровье великого древа, никаких видимых признаков Скверны, оставленной зловерным черенком, привитым к его стволу безумным верховным друидом Фэндралом Оленьим Шлемом, Малфурион не нашел. Это Малфуриона немало обрадовало. Да, он был против создания второго Мирового Древа, однако Тельдрассил стал неотъемлемой частью жизни ночных эльфов – пусть не благодаря, а вопреки намерениям Фэндрала, первым заговорившего о новом Мировом Древе в отсутствие Малфуриона. Для прежнего верховного друида Тельдрассил был лишь средством достижения чудовищной цели, но, к счастью, его план не удался.

Несмотря на отсутствие сколь-нибудь примечательной Скверны, Малфурион поклялся присматривать за Тельдрассилом. В Изумрудном Сне еще жив был очаг Кошмара, и пока от сей темной силы остается хоть след, Тельдрассилу, а значит, и всей расе ночных эльфов, грозит новый натиск порчи.

Пусть и удовлетворенный состоянием Мирового Древа, Малфурион уделил время осмотру окрестностей. Невдалеке от верховного друида находился лунный колодец – один из священных источников воды, славящейся мистическими свойствами. Поляну Оракула, что

лежала к северо-востоку от города, он выбрал, чувствуя ее особую, уникальную связь с колоссальным древом, давшим ей приют. Здесь верховный друид легче всего мог уйти в медитацию, а дух его, или же «облик в мире снов» – достичь Изумрудного Сна.

Друиды в сонном облике путешествовали в этот иной мир до сих пор, но с кое-какими новыми предосторожностями. Вот и Малфурион не замедлил вернуться, хотя, заточенный в Изумрудном Сне Владыкой Кошмара, и провел там многие годы. Особой храбрости в этом решении он не усматривал: верховный друид всего лишь надеялся внимательнее приглядеться к Изумрудному Сну на предмет не замеченных прежде перемен... а также воспользоваться этим путешествием, чтобы очистить разум от некоторых дум.

Словно в насмешку над его надеждами, все тело внезапно пронзила резкая боль. Подобное он испытывал уже не в первый, и, надо думать, не в последний раз.

То приближалась старость, а с ней – неизбежная смерть.

Верховный друид видел, как дряхлеют со временем его товарищи, принадлежащие к иным расам, но пережить то же самое – признаться, дело нелегкое, пусть даже ночные эльфы до сих пор живут много дольше людей или дворфов. Пришлось подавить минутную обиду, прогнать прочь мысли о том, что уж он-то никак не предназначен для старости.

Боль отвлекла от раздумий. В попытке восстановить спокойствие Малфурион углубился мыслью в самую суть Тельдрассила. Действительно, дух великого древа подействовал успокаивающе. В конечном счете, прикосновение Тельдрассила вправду помогло достичь точки, где верховному друиду удалось отделить облик для мира снов от тела. Теперь тело его покоилось на ветвях, оберегаемое деревьями, являвшими собой своеобразное продолжение огромного дерева, на котором они росли.

Облик для мира снов поднялся над неподвижным телом Малфуриона. Призрачный, отличающийся изумрудной зеленью, он ненадолго остановился и...

«Малфурион!»

Словно подхваченный жутким порывом ветра, дух верховного друида впорхнул назад, в его брентную оболочку. Малфурион знал, кто зовет его: она имела с ним особую, уникальную связь.

«Тиранда?» – немедля откликнулся верховный друид.

Повинуясь безмолвному приказу, ветви уже опускали его к земле.

«Тиранда! Что случилось?»

«Долго рассказывать! Пожалуйста, приходи поскорее!»

В тоне Тиранды явственно слышалась тревога. Пожалуй, дело действительно срочное. Едва коснувшись ногами земли, Малфурион поспешил в путь, но, сделав несколько шагов, решил, что идет слишком медленно. Сосредоточившись, верховный друид наклонился вперед.

Кости затрещали, меняя форму, кожа подернулась рябью и покрылась мехом. Лицо верховного друида вытянулось, нос и губы сделались частью широкой морды, украшенной длинными усами. Зубы Малфуриона прибавили в длине, глаза сузились, а тело обернулось телом огромного черного кота сродни тем саблезубым созданиям, на коих ночные эльфы ездят верхом. Теперь шаг Малфуриона ускорился вдесятеро и даже более.

Гибкий и быстрый, кот стрелой бросился в лес. Краткий путь до Дарнаса не занял много времени. Увидев его приближение, Часовые, прекрасно знавшие, кто мчится в столицу в таком облике, благоразумно расступились в стороны. Кошачий облик верховного друида был знаком всем защитникам города, не раз видевшим его мощь в битве.

Большую часть города составляли так называемые «террасы» – средоточия цивилизации ночных эльфов. Терраса Воинов уже осталась позади, а справа показалась Терраса Ремесленников, но Малфурион не замечал ни той, ни другой, как почти не замечал и изящества со вкусом разбитых садов, и озера в центре Дарнаса. Все помыслы его занимало сверкающее величественное здание на юге – здание Храма Луны.

Внезапно его сосредоточенность нарушила толпа встревоженных ночных эльфов чуть в стороне. Стоило Малфуриону почуять их волнение, это немедля пробудило к жизни прочие кошачьи чувства. Оскалив огромные, точно сабли, клыки, он впился острыми когтями в землю, затормозил и повернул к толпе – взглянуть, что там стряслось.

Еще не успев остановиться, верховный друид принял свой истинный облик. Узнав Малфуриона, ближайшие ночные эльфы, поспешившие обратиться с пути кота, и все прочие почтительно поклонились августейшей особе.

Однако Малфурион не удостоил их внимания: теперь он видел, что привлекло к себе толпу... и почему от всех вокруг так и веет столь явной тревогой.

В ту же сторону, что и верховный друид, двигался некто в плаще с капюшоном, но шаг его невероятно замедлял ужасный груз на руках. Укрытая плащом фигура явно принадлежала женщине, причем – тоже из ночных эльфов.

Лица мужчины Малфурион не разглядел, а вот с головы женщины у него на руках капюшон соскользнул, и вид ее безвольно обмякших губ не предвещал ничего хорошего.

Одна из Часовых попыталась помочь спутнику женщины, но тот оттолкнул ее прочь. Часовая отступила в сторону со странным почтением в выражении лица и в осанке.

– Верховный друид! – воскликнула она, увидев за спиной путника Малфуриона. – Хвала Элуне...

– Верховный друид? – выдохнул ночной эльф, укрывший лицо под капюшоном, будто эти слова значили для него если не все на свете, то очень и очень многое.

Малфурион был поражен до глубины души. Чей это голос, верховный друид не припомнил, но, пусть даже изменившийся под действием переживаний и прочих обстоятельств, принадлежал он кому-то очень и очень знакомому.

Бережно перехватив свой драгоценный груз, путник оглянулся назад, на Малфуриона.

Страдальческое выражение несколько искажало черты лица ночного эльфа, однако верховный друид сразу же понял, кто перед ним, пусть тот и не появлялся среди сородичей многие сотни лет. Малфурион едва мог поверить собственным глазам: с годами он пришел к выводу, что ночной эльф, укрывавший лицо под капюшоном, давным-давно погиб – возможно, волею несчастливой случайности, возможно, от рук врага.

– Джерод Песнь Теней... – недоверчиво прошептал Малфурион.

Халдрисса Дреготес служила в Часовых едва ли не с момента создания сей армии. Рожденная на несколько сотен лет раньше генерала Часовых, Шандрисы, Халдрисса высоко ценила ее знания и опыт и охотно училась у главнокомандующей, оттого-то и доросла до командирской должности, вполне ее заслужив.

Узколицей, с постоянно наморщенным, точно в глубоких раздумьях, лбом, Халдриссе перед самым Катаклизмом поручили возглавить силы ночных эльфов в Ясеновом лесу. Несмотря на удаленность от Дарнаса и Тельдрассила, Ясеновый лес, находившийся в северной части калимдорского континента и простиравшийся с востока на запад почти по всей его ширине, был не только святыней ночных эльфов, но и свидетельством сохранности их культуры. Ночные эльфы с союзниками бережно вырубали лишь избранные участки обширной пуши, дабы не тревожить природу более необходимого.

Щуря глаза, Халдрисса вглядывалась в лес впереди отряда. Как и все прочие Часовые, она ехала верхом на одном из сильных, мускулистых котов, прозванных ночными саблезубами за длинные кривые клыки. Подобно ночным эльфам, ночные саблезубы, как явствовало из названия, тоже предпочитали дню ночь, но обстоятельства все чаще и чаще требовали ездить на них и днем. Конечно, большая часть рас, с которыми ночным эльфам приходилось иметь дело, привыкли бодрствовать днем, однако это вовсе не мешало им действовать по ночам... что и представляло собой самую сложную и потенциально опасную часть вверенного ей поручения.

Никаких следов деятельности Орды поблизости не наблюдалось, однако Халдрисса знала: полагаться на то, что орки с союзниками будут смирно сидеть на восточной стороне, нельзя. Вражеский плацдарм в Ясеновом лесу – уже дело достаточно скверное.

– Что видишь, Занон? – спросила она, обращаясь к ночному эльфу, ехавшему слева. Не самый старший из ее офицеров, он славился остротой взгляда даже среди Часовых. – Что-то неладно?

Занон подался вперед.

– По-моему, все чисто, командир, – отвечал он.

Никто из остальных на это не возразил, и Халдрисса подала отряду знак двигаться дальше. Сейчас она, во главе отряда численностью около полусотни ночных эльфов, ехала с инспекцией на одну из передовых застав. Едва получив назначение, Халдрисса взяла за правило объезжать заставы регулярно: ничто не заставляет командиров держать ухо востро лучше, чем постоянный пригляд начальства.

До заставы оставалось не более часа езды. Причина остановки... пока что это выглядело оплошностью со стороны командующего заставой офицера. Халдрисса неизменно настаивала на том, чтоб караулы выставлялись не только на тех направлениях, откуда можно ожидать атаки Орды, но и там, откуда атак не ожидается. Если уж кто-то и мог бы успешно обойти заставу и либо ударить по ней с тыла, либо нанести удар где-нибудь в глубине территории ночных эльфов, то новый вождь орков – наверняка.

Проехав еще немного, Халдрисса повернулась к своей заместительнице, Денею.

– Пусть двое разведчиков доедут до заставы, вернуться и доложат обстановку... да так, чтобы их не заметили.

Денея подозвала к себе двух Часовых и отправила их вперед. Вначале удаляющиеся всадники превратились в пару расплывчатых пятен, а после исчезли вдаль. Провожая их взглядом, Халдрисса едва сдержала досаду: зрение уже не то, каким было всего два-три месяца назад. Говоря откровенно, оно словно бы ухудшилось в последние несколько дней.

– Оружие к бою, – скомандовала она остальным.

Денея, уже державшая лук наготове, повторила приказ.

Отряд двинулся дальше, не замечая впереди ничего особенного – и из-за этого все сильней и сильней проникаясь подозрениями. Оценив время, которое потребуется разведчикам, чтобы добраться до заставы и вернуться, Халдрисса поняла: придется подождать.

Потому-то рык ночного саблезуба, выбежавшего навстречу отряду всего через несколько минут, и побудил Халдриссу и остальных изготавиться к немедленной схватке.

Зверь был жутко изранен – утыкан стрелами, точно подушечка для булавок. Только отменная выносливость и помогла ему добраться так далеко. Окровавленные клыки и когти свидетельствовали, что саблезуб оставил поле боя не раньше, чем изрядно потрепал врага.

В седле его – мертвее мертвого – покачивалась одна из разведчиц.

Занон затейливо выругался и явно собрался направить своего кота вперед. Впрочем, не он один... Халдрисса вскинула руку, сдерживая нетерпеливых, но вовсе не затем, чтоб задержать погоню. Умиравший саблезуб уже поравнялся с Денею. Окинув взглядом всадницу, она зло стиснула зубы.

– Ее на время придется оставить здесь. На обратном пути сможем забрать и похоронить, как подобает.

Халдрисса кивнула заместительнице. Денея с еще одной из Часовых быстро спешили и сняли с измученного зверя мертвое тело. Бережно уложив соратницу под ближайшее дерево, они вернулись к саблезубу.

Вблизи серьезность его ран оказалась еще более очевидной. Зверь тяжело дышал. Один из его клыков был сломан. Сплошь залитый кровью, саблезуб поднял на Денею исполненный муки взгляд и отчаянно закашлялся, брызжа кровью из пасти.

Дело ясное: зверю уже ничем не помочь. Вынув из ножен кинжал, Денея склонилась к саблезубу, что-то забормотала ему на ухо. Саблезуб нежно лизнул сжимавшие рукоять оружия пальцы и спокойно закрыл глаза, ожидая неизбежного.

Скрипнув зубами, Денея ловко полоснула его по горлу. Смерть зверя оказалась мгновенной.

– Расходимся! – приказала Халдрисса, едва ее заместительница взобралась в седло. – Занон... ты веди этих туда. Денея, веди своих к югу. Остальные – за мной.

Спустя недолгое время ночные эльфы осторожно приблизились к подозрительному месту. Саблезуб Халдриссы потянул носом воздух и тихо зарычал. Успокоив зверя прикосновением ладони к голове, Халдрисса медленно потянулась за луком.

Пущенная из лесу стрела поразила одну из Часовых, ехавших рядом. Безупречный выстрел – прямо в горло.

Стреляли сверху.

Быстрым движением наложив на тетиву стрелу, Халдрисса вскинула лук. Однако прежде, чем она успела выстрелить, туда, откуда была пущена вражья стрела, стремительно полетели две бешено вращающиеся глефы. Кривые лепестки их лезвий прорубили в густой листве смертоносную просеку.

Из кроны дерева донесся хриплый стон. Одна из глеф вылетела из листвы, возвращаясь к владелице. Секундой позже появилась и вторая, глубоко вонзившаяся в грудь орка. Вражеский стрелок камнем рухнул вниз и замертво распростерся по земле.

Но не успело мертвое тело орка упасть, как из лесу навстречу отряду вылетело около дюжины его товарищей, многие – верхом на могучих черных волках. Высоко подняв копья, топоры и мечи, орки устремились к отряду Халдриссы.

Ночные эльфы встретили атаку без заминки. Халдрисса выпустила стрелу в орка, что мчался первым, однако верный, казалось бы, выстрел всего-навсего поразил его в плечо. Такая рана даже не замедлила движений мускулистого орка: в следующий же миг он едва не вонзил топор в череп скакуна эльфийки.

Вторая стрела, пущенная сверху, угодила в загривок одного из саблезубов неподалеку. Зверь споткнулся, выбросив всадницу из седла. Самый предприимчивый из орков спрыгнул со спины волка и бросился к упавшей. Часовая обернулась, пытаясь защититься, но безнадежно опоздала: топор орка врубился ей в грудь под ключицей.

Раненый саблезуб метнулся к орку, но путь ему заступил вражеский волк. Огромные звери сцепились, пустив в ход зубы и когти. Каждый искал возможности нанести решающий удар. Саблезуб несколько превосходил волка в величине, но из-за раны уступал ему в скорости.

Обогнув эту пару по кругу, Халдрисса выстрелила в орка. С такого близкого расстояния промахнуться она не могла: удар стрелы, глубоко вонзившейся в грудь, отбросил врага назад на добрый десяток футов.

Над ухом просвистела еще одна вражеская стрела. Выругавшись, Халдрисса выстрелила в ответ – туда, откуда та должна была прилететь. Очевидно, выстрел прошел мимо цели, однако вынудил прятавшегося на дереве орка высунуться из укрытия, где его и настигла еще одна стрела, пущенная с юга.

Взмахнув луком, Денея испустила победный клич и повела свою группу на орков. В тот же миг с севера подоспел и Занон. Сталь зазвенела о сталь. Саблезубы сцепились с волками.

Сменив лук на глефу, Денея рассекла горло волку, который, брызжа слюной, ухватил ее за ногу, и завертела головой в поисках нового врага. Глянцевито блестящая, цвета воронова крыла, коса на ее затылке хлестала из стороны в сторону, точно бич.

Дрались орки яростно... куда яростнее, чем ожидала Халдрисса. Причем нередко открывались, словно бы предпочитая попросту добраться до врага любой ценой. Благодаря грубой

силе, им некоторое время удавалось сдерживать более многочисленных ночных эльфов, однако их шансы на победу были слишком малы.

«Неужели?..» – начала понимать Халдрисса, но тут на нее бросился еще один орк, и мысль пришлось оставить незавершенной. Бросив лук, эльфийка вскинула вверх глефу, отражая ближайшим из кривых лезвий его топор. Лязгнула сталь, сильный удар отозвался болью в плече.

Волк прыгнул в сторону, уклоняясь от когтей ее саблезуба и предоставляя всаднику новую возможность для удара. Зверь Халдриссы извернулся, защищая хозяйку, но поздно.

Под могучим ударом переднее лезвие треснуло пополам. Верхняя половина отлетела назад, прямо в лицо Халдриссы. Жгучая боль... и левый глаз ослеп, а по щеке заструилась горячая влага. От боли и потрясения Халдрисса едва не лишилась чувств.

Но тут внутренний голос вскричал: «Орк! Берегись орка!»

Зажав ладонью выбитый глаз, Халдрисса сосредоточилась на противнике и сквозь слезы сумела разглядеть его силуэт. Орк был совсем рядом, хоть саблезуб и отбивал атаки волка, что было сил.

Халдрисса развернула глефу одним из уцелевших клинков вперед, прикрываясь от невидимого для нее орочьего топора. Голова загудела от боли, вражеский силуэт расплылся перед глазами.

Что ж, вот и смерть...

Однако смертельного удара не последовало. Мало этого, саблезуб прекратил скачку, будто его бой с волком внезапно завершился.

– Командир! – закричали над ухом.

Голос принадлежал Денею.

– А орк?..

– Орк убит!

Тонкие пальцы стиснули вооруженную руку. Сморгнув застилавшие уцелевший глаз слезы, Халдрисса увидела рядом Денею.

– Не двигайся, командир! Тебе нужна помощь, и быстро!

– А бой?..

– Бою конец! Орки перебиты до последнего воина, и волки их пали вместе с ними!

Халдрисса понимала, что пленник мог бы очень пригодиться, но захватить врага живьем посреди яростной схватки удастся не всякий раз. Еще одна из Часовых, подойдя к ней с незрячей стороны, принялась обрабатывать рану. Между тем Халдриссе, наконец, удалось сосредоточиться на сложившемся положении, и в голову ей сразу же пришла одна мысль.

– Застава... нам нужно добраться до заставы...

Но прежде пришлось подождать, пока Часовые не закончат с ее раной, и даже после этого Занон предложил повернуть назад. Халдрисса, начавшая чувствовать себя не командиром, а старой бабкой при куче внуков, не на шутку разозлилась. После этого прочие ночные эльфы нехотя подчинились приказу, и отряд наконец-то поскакал к заставе, ожидая самого худшего.

Однако, стоило им приблизиться к бревенчатой постройке, из-за деревьев, к немалому их удивлению, выступила пара караульных. При виде отряда – особенно Халдриссы, щеголявшей широкой повязкой на пострадавшем глазу – караульные оцепенели.

– Застава... здесь все в порядке? – быстро спросила Халдрисса, не успели они вымолвить и слова.

Караульные недоуменно переглянулись.

– Да, командир! – наконец ответил один из них. – Все тихо.

– В лесу, что остался за нами, были выставлены другие дозорные?

– Двое...

По дороге отряду не попадалось никаких следов ни этой пары, ни второго разведчика, высланного Халдриссой вперед. Судьба их не вызывала никаких сомнений.

– Разведывательный отряд, – объявила Денея. – Сумели обойти заставу незамеченными, однако, должно быть, попались на глаза пропавшим дозорным. – На губах ее заиграла мрачная улыбка. – Что ж, никаких секретов им уже не разнюхать и своему вождю не передать. Об этом мы позаботились и за павших товарищей отомстили.

Похоже, Занон и остальные были с этим согласны, однако Халдрисса хранила молчание. У нее никак не шла из головы фаталистическая решимость орков, без оглядки бросившихся в безнадежную битву. Конечно, если речь об орках, в подобном поступке ничего удивительного нет: многие из них только рады похвастать готовностью к самопожертвованию, но...

– Но ради чего они пожертвовали собой? – задумчиво пробормотала Халдрисса.

– Что, командир? – переспросила Денея.

Боль разлилась по всему телу, заставив Халдриссу прижать ладонь ко лбу. Однако мысли о том, что же на самом деле произошло, жгли, мучили хуже любой боли.

– Пошлите весть вперед, на заставу. Пусть тщательно прочешут окрестности...

– Думаешь, рядом есть еще орки?

– Нет.

Как ей хотелось бы ошибиться! Это заметно поправило бы дело. Однако они опоздали. Нападавшие выполнили задачу, отдали жизнь за Орду.

– Нет. Они уже ускользнули назад, через...

Конечно, орки устраивали набеги и прежде, но в этом, сегодняшнем, Халдрисса отчетливо чувствовала нечто зловещее. Ни разу еще Орда не посылала отрядов – тем более, столь многочисленных – так далеко в эти земли.

Об этом нужно было как можно скорее известить генерала. Многие месяцы Шандриса с верховной жрицей ждали от Орды действий, свидетельствующих об изменении хрупкого равновесия между двумя сторонами. Теперь Халдрисса не сомневалась: именно эти действия она только что видела собственными глазами.

«Но что предвещает этот набег?» – в тревоге гадала она.

Ответа у нее не имелось. И все же, какую бы форму он ни принял, одну вещь Халдрисса знала наверняка: крови прольется много, много больше, чем сегодня. Гораздо больше.

3

Джерод Песнь Теней

– Она умирает... моя Шаласир умирает! – выпалил ночной эльф, не сводя глаз с верховного друида.

Лицо его покрывало такое множество морщин, какого Малфурион еще не видел ни у одного из ночных эльфов. Вероятно, некоторые из них появились в результате жизни вдали от своего народа, но прочие – очевидно, совсем недавние, – скорее всего, были прямо связаны с неподвижной женщиной, которую Джерод столь бережно нес на руках.

Волосы и борода Джерода окрасились серебром – разительная перемена в сравнении с тем, каким помнил его Малфурион. Песнь Теней был младше Малфуриона на целую тысячу с лишком лет, однако теперь, в морщинах да серебре волос, выглядел много старше верховного друида. Что довелось пережить стоявшему перед Малфурионом ночному эльфу со времени последней их встречи? Об этом оставалось только гадать.

– Джерод...

Как странно было произносить это имя после того, как оба не виделись почти десять тысяч лет...

– Давненько же мы с тобой не видались, – пробормотал бывший командир и все еще легендарный герой Войны Древних, глядя на Малфуриона глубоко запавшими глазами. – Прошу простить меня за то, что явился к тебе вот так...

Но Малфурион лишь отмахнулся от Джеродовых извинений. Одного взгляда на бесчувственную Шаласир было довольно, чтобы понять, сколь серьезно ее состояние.

– Я могу попытаться ее исцелить, но, думаю, лучше нести ее прямо к Тиранде – тогда все возможности будут в нашем распоряжении! Ну же, живей!

Похоже, доверять спутницу чужим рукам Джероду не хотелось, но в конце концов он позволил верховному друиду прийти на помощь. Провожаемые взглядами безмолвствующей толпы, оба понесли Шаласир к храму.

Двое Часовых у входа почтительно расступились в стороны перед верховным друидом. При виде Джерода одна из них негромко ахнула: даже обрамленное подстриженной бородой и длинной растрепанной гривой – то и другое окрашено серебром до последнего волоска – его морщинистое лицо сохранило черты, немедленно узнаваемые всяким, кто ни встречался с ним в прошлом.

– Она спасет тебя, – шепнул бывший капитан стражи неподвижной женщине. – Тиранда тебя спасет... Поговорит с Элуной, и...

Малфурион отвернулся, пряча от Джерода нахмуренные брови. Тело Шаласир обмякло до последней степени, а держал он ее так, что верховный друид даже не мог бы сказать, дышит она, или нет. В эту минуту она уже вне его власти, а значит, остается одно – Элуна. Вот только многое ли способна сделать в столь скверном случае даже сама богиня Луны?

По коридорам из камня и живого дерева оба неслись едва не бегом. Некоторые встречные жрицы спешили предложить помощь, но верховный друид понимал: теперь только его возлюбленной и хватит сил помочь жене Джерода.

Завидев Малфуриона со спутниками, приближающихся к покоям верховной жрицы, ее личная стража встала навытяжку. Одна из стражниц без лишних слов распахнула перед ними двери. Тут Малфурион еще раз отметил, что каждая встречающая вначале задерживает взгляд на Джероде и лишь потом замечает Шаласир. Все давным-давно сочли Джерода Песнь Теней погибшим в тех или иных перипетиях прошедших тысячелетий, иначе отчего он не вернулся к своему народу, когда тот переживал самые скверные за всю свою историю времена?

Не успели они переступить порог, а Тиранда уже вышла им навстречу. Джерод раскрыл было рот, однако верховная жрица только покачала головой, жестом велела обоим уложить Шаласир на длинное наклонное ложе рядом с собой и велела служанкам снаружи затворить двери.

Помрачнев лицом, верховная жрица опустила на колено рядом с больной и забормотала молитву, без остановки водя ладонями над телом Шаласир.

Когда ее озарил исходящий от Тиранды свет, Джерод негромко, обнадеженно ахнул. Малфурион тоже замер, с предвкушением глядя на неподвижное тело, окруженное неярким серебристым ореолом.

Вдруг, ни с того ни с сего, свет угас.

Издав звук, прекрасно знакомый Малфуриону по прошлым временам, Тиранда отшатнулась от Шаласир.

– Джерод, – негромко сказала она, поднявшись на ноги и обернувшись. – Джерод... прости, Джерод, но...

– Нет! – Джерод шагнул вперед, оттеснив верховного друида. – Я обещал, что здесь ей смогут помочь! Обещал, что ты или Малфурион сможете ее спасти! Отчего ты ее не спасла?

С этими словами он рванулся к Шаласир, но Тиранда остановила его порыв, просто положив руки ему на плечи. Под полным состраданием взглядом верховной жрицы из запавших глубже прежнего глаз бывшего капитана стражи погибшего Сурамара заструились слезы.

– Она уже угаšla. Тут больше нельзя было сделать ничего.

Джерод был ошеломлен.

– Нет... я же доставил ее сюда так быстро, как только мог! Спешил изо всех сил... – Взгляд его вильнул в сторону Шаласир. – Так, значит, все из-за меня! Это я слишком торопил ее! Если бы не я, она осталась бы...

Но Тиранда покачала головой.

– Ты сам понимаешь: это неправда. Ее жребий был предрешен. Она знает: ты сделал все возможное. Просто так уж должно было случиться...

– Шаласир!

Пав на колени рядом с женой, Джерод прижал ее лицо к плечу.

Малфурион тихо подошел к своей супруге. Оба со скорбным почтением смотрели на Джерода, раскачивавшегося из стороны в сторону и что-то шептавшего ушедшей жене.

Наконец Джерод оглянулся на хозяев. Слезы еще струились по его щекам, стекая в бороду, но голос зазвучал тверже: очевидно, он смирился с происшедшим.

– Мы оба опасались, что ей не выдержать, но согласились: так будет лучше. И все же... в ее тоне время от времени слышалось нечто... сейчас, вспоминая об этом, я думаю, что она знала правду. Знала, и согласилась не столько ради собственной жизни, сколько из-за меня. Хотела, чтоб я вернулся сюда, к своим, и не остался в одиночестве, когда она... отойдет в мир иной.

– Ты называл ее «Шаласир», – утешающе откликнулась Тиранда. – Думаю, я ее помню. Какое-то время она была здесь послушницей. Мы все решили, что она забрела слишком далеко от старого города, а после пала жертвой какого-то несчастья, пусть даже мертвого тела искавшие не нашли. О том, что вы вместе, не знал никто, хотя время ваших исчезновений могло бы сказать о многом... Но мы так никогда и не связали одно с другим.

– Мы хранили свою любовь в тайне... в основном, из-за моих тревог. Я ведь уже подумывал бросить все... задолго до этого. Меня слишком разочаровал раскол в нашем обществе. Ваши друиды... прости, Малфурион, но ваши друиды все больше и больше отдалялись от остальных, проводя основную часть времени в Изумрудном Сне или где-нибудь еще, вдали от забот о безопасности и благе народа...

Верховный друид не ответил ни словом. Все это он уже слышал от других, включая и Тиранду. Чувство вины за все сотни лет небрежения долгом не оставляло его до сих пор.

Джерод перевел дух.

– А еще я, хоть и любил ее всем сердцем, надеялся, что она поймет, как неразумно быть со мной. И рассчитывал, когда – и если – уйду, избавить ее от расспросов насчет моего решения.

– Джерод... – начал было Малфурион.

Однако Песнь Теней продолжал, словно ничего не слыша:

– Но вместо этого она исполнилась решимости последовать за мной, куда бы ни лежал мой путь. Она всегда стремилась поступить так, как хотелось бы мне – даже когда сам я изо всех сил старался сделать счастливой ее... – Джерод поцеловал Шаласир в лоб. – Глупышка... вначале пустила по ветру всю свою жизнь, последовав за мной в глушь... а после пожертвовала последними силами, чтоб я наверняка вернулся сюда и не остался... один...

– Мы всегда тебе рады, – сказала Тиранда, мягко коснувшись его плеча. – Она это знала. А еще, видимо, наслаждалась каждым днем жизни с тобой, иначе не оставалась бы рядом все эти сотни лет.

– Да, вместе мы пережили немало радости. Должен признаться, в дикой глуши ей нравилось. В некоторых отношениях – больше, чем мне.

– Я позабочусь о приготовлениях. Ее похоронят, как подобает.

Джерод взглянул на верховную жрицу и вновь устремил взгляд на Шаласир.

– Она мертва... – Не отнимая рук от любимой, он поднялся на ноги и с нежной заботой, не принимая ничьей помощи, поправил тело Шаласир. С виду вполне могло показаться, будто она спит. – А ведь болезнь коснулась ее совсем недавно.

Верховная жрица с верховным друидом переглянулись. С утратой бессмертия ночные эльфы как раса стали подвержены недугам, которые прежде лишь наблюдали у других. Уже не первая, смерть Шаласир свидетельствовала: с течением времени смертей будет все больше и больше, и этого не избежать.

– Слухи дошли и до меня, – выпрямляясь, продолжал Джерод. – Значит, все это правда. Теперь мы смертны, верно? – Увидев кивок Малфуриона, бывший капитан стражи крякнул. – Никого не хотел бы обидеть, но, по-моему, это к лучшему, несмотря на случившееся... – Новый взгляд на Шаласир заставил его крепко сжать кулаки. – Высокое положение в мире и пресыщение бесконечными жизнями, будь оно все проклято, ослабило ночных эльфов – вот отчего Легион едва не истребил нас всех без остатка.

Изможденное, морщинистое лицо Джерода омрачилось новой печалью, памятной Тиранде с мужем еще по далекому прошлому. Малфурион поспешил подступить к Джероду и ловко повел его прочь от Шаласир.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.